

— Ты недоволен, — с серьёзным выражением лица сказал Фу Чэнцы.

Лу Це закатил глаза, с некоторым недоумением посмотрел на Фу Чэнцы и насмешливо сказал:

— Если бы ты узнал, что через три дня тебе предстоит идти на верную смерть, разве ты был бы счастлив?

Это злобный риторический вопрос на мгновение оставил Фу Чэнцы безмолвным. Он отвлёкся, и запястье, которое он держал в руке, выскользнуло.

Ощущение пустоты в ладони заставило его на мгновение замереть, ему показалось, что он увидел боль в глазах Лу Це.

Хотя ещё мгновение назад тот человек смеялся беззаботно и равнодушно.

Время словно замедлилось.

Фу Чэнцы несколько раз проходил мимо соседнего двора и видел, что двери и окна дома плотно закрыты, словно там вообще никто не жил.

Вызвав своего личного охранника, он отдал приказ:

— Поставь двух человек охранять соседний дом. Если человек внутри выйдет, не препятствуй, просто тихо последуй за ним.

Ночь снова была очень тихой.

Ночью Фу Чэнцы лежал в постели, ворочаясь и не в силах заснуть. Его сердце беспокоилось о соседних звуках. Он хотел распахнуть дверь и войти, чтобы всё выяснить, но не было повода для таких действий, что было весьма трудно.

Внутреннее беспокойство не могло противостоять тяжёлому сну, и вскоре Фу Чэнцы уснул.

Тот, о ком в сердце думали целый день, Лу Це, перелез через заднюю стену усадьбы Цзи. Пройдя две галереи, он увидел прячущиеся в окружающих деревьях и на крыше двора силуэты людей.

Он замер на месте, резко развернулся и вернулся обратно по тому же пути.

Так продолжалось и в последующие дни.

Когда настало оговорённое время, военные Великой Чжоу прислали документ. В почтительных выражениях говорилось о надежде, что Великая Чу соблюдёт обещание и передаст им заложника, и тому подобные слова, искренность которых чуть ли не скреплялась небом, землёй, солнцем и луной.

Прочитав, Лу Юй едва не швырнул бумаги в лицо посланнику, но, соблюдая благородное воспитание, он лишь с силой бросил документ на стол.

Показав, что уже послали людей в задний двор пригласить.

Представители обеих сторон сидели в зале, атмосфера была напряжённой, как натянутая тетива, безвыходной.

Посланный привести человека солдат в панике вбежал обратно, припал к уху Лу Юя и сказал:

— Ваше высочество, седьмой принц исчез.

Бровь Лу Юя дёрнулась, и он мысленно выругался: несносный парень!

Великая Чжоу всё ещё держала войска у границы, и если сегодня они не смогут забрать Лу Це, никто не знает, на какие безумные действия может пойти это государство.

Лу Юй не хотел ставить на кон народ Линьчжана. Он тихо приказал солдату:

— Иди, извести Князя Цзянбэй, пусть тоже пошлёт людей...

Не успев договорить.

— Не нужно искать, я здесь.

Через главные ворота вошёл юноша в тёмно-красном халате. На лице юноши была легкомысленная улыбка:

— Заставил всех ждать. Раз уж все собрались, тогда пошли.

— Тогда пошли. — Эти слова тяжело ударили по прибывшему следом Князю Цзянбэй, у того дёрнулась бровь, и беспричинно возникло беспокойство.

Воины Великой Чу выстроились в два ряда, сопровождая Лу Це и посланника Великой Чжоу за городские ворота. Лу Юй и Фу Чэнцы поднялись на высокие ворота, чтобы посмотреть.

Казалось, сердце что-то почувствовало. Уже вышедший за ворота Лу Це остановился, обернулся и точно упал взглядом на Фу Чэнцы. Его брови и глаза слегка изогнулись, он стоял, встречая ветер, полы одежды развевались на ветру, и беззвучно сказал:

— Жди меня.

Фу Чэнцы тихо повторил эти слова про себя, вспомнив, как той ночью в постоялом дворе они с ним сильно подрались, и на душе стало горько.

Формирование конвоя ушло далеко.

Постепенно превратившись в незаметную чёрную тонкую линию, они оба наконец спустились вниз.

Спустившись, Фу Чэнцы взял поводья, поданные Вэй Е, и на фоне холодного ветра и тонкого снега попрощался с Лу Юем:

— Задержавшись в Гуаньдуне надолго, теперь, когда кризис разрешён, ваш слуга откланивается.

Снег в Гуаньдуне шёл очень медленно и мягко, тонкий и длинный дождь со снегом, сыплющийся сверху вниз, мог нарисовать прекрасную картину.

* * *

Том второй: Возвращение в родную страну

*

Бедный двор Чжоу едет, везя вино,
Чуские талии тонки, в ладонях легки.
Четыре года промелькнули, как сон,
Обрёл в зелёных теремах дурную славу.

*

Прошло четыре года.

Жуань Дао стоял на страже за пределами Элегантного покоя. Из комнаты доносилось пение певичек, остаточное звучание, окутывающее балки, три дня не прекращалось. Когда мелодия песни поднималась, тон внезапно менялся, резкий фальшивый звук резко обрывался.

Вслед за этим дверь Элегантного покоя открылась, женщина в танцевальном платье с водяными рукавами, прикрывая лицо, вышла, и вскоре её сменила другая, пение не прекращалось.

Хозяйка цветочного дома, Ю-цзе, ввела одного человека и направилась к Элегантному покою. Увидев это, Жуань Дао выпрямился и перегородил рукой дверь:

— Господин слушает песни, посторонним вход воспрещён.

— Брат Жуань, не смейтесь, правила господина мы все знаем. — Хозяйка Ю-цзе с улыбкой на губах указала на человека в одежде слуги рядом и сказала:

— Этот человек из усадьбы князя Тан, ищет господина по делу.

Сказав это, тот мужчина поспешно сделал шаг вперёд, поклонился плотно закрытой двери и сказал:

— Этот слуга Чжао Эр из свиты князя, просит аудиенции у господина.

Хозяйка Ю-цзе хотела войти вместе, но, встретившись с ледяным взглядом Жуань Дао, почувствовала сильную скуку, поджала алые губки и, волоча длинное платье по земле, поддерживая талию, ушла.

Когда люди ушли, Жуань Дао повернулся, толкнул дверь Элегантного покоя, вошёл внутрь. Певица сидела перед цинь, кончиками пальцев перебирая струны, звуки были мелодичными и плавными. За мутной занавеской, отделявшей её, высокий мужчина лениво опирался на мягкую спинку.

Жуань Дао посмотрел на мужчину на мягкой спинке, под прямыми бровями его выражение было почтительным. Мужчина, прикрывший глаза и притворявшийся спящим, почувствовал его приход, пошевелил ухом, кончики пальцев, лежащие на подлокотнике, слегка постукивали в такт.

Жуань Дао подошёл и доложил:

— Господин, человек из усадьбы князя Тан пришёл.

Лу Це тихо хмыкнул, открыл прикрытые глаза-персики, взглянул на Чжао Эра. Прикоснувшись к тем ледяным глазам, невольно почувствовал себя несколько неуютно. Он прочистил горло:

— Видел господина. Князь просит вас завтра посетить усадьбу для беседы.

— Понял. — Лу Це выпрямился. Его волосы были собраны очень небрежно, оторвавшись от мягкой спинки, чёрные волосы рассыпались, мгновенно закрыв половину лица. На столе были разложены фрукты, холодные напитки. Лу Це, освежившись, взглянул на всё ещё стоящего на месте Чжао Эра и недоумённо спросил:

— Неужели у твоего князя ещё есть дело для передачи? Мне, может, удалиться?

Чжао Эр вздрогнул, очнулся, закачал головой:

— Больше ничего, этот слуга сейчас откланивается.

После ухода Чжао Эра Лу Це тоже прогнал певичку за занавеской, и в Элегантном покое сразу стало тихо.

Жуань Дао очень естественно подошёл позади Лу Це, молчаливый, начал массировать плечи. У людей, занимающихся боевыми искусствами, обычно сильные руки. Лу Це в Элегантном покое либо сидел, либо лежал целых три дня, и сейчас его тело давно обленилось и ослабло.

— Ты знаешь, зачем Чжоу Танъинь ищет меня? — Лениво закрыв глаза, Лу Це слегка повернул голову и спросил стоящего позади Жуань Дао.

Его голос был очень низким, и Лу Це уже думал, что тот не хочет говорить, как вдруг услышал его тихий голос:

— Несколько дней назад государь тайно вызывал Гуань Мян. Боюсь, это из-за дела о сопровождающих в поездке.

Услышав это, уголки губ Лу Це слегка приподнялись:

— У Гуань Мян и меня давняя вражда. Когда я был в Линьчжане, я искалечил ему одну ладонь, а по прибытии в Великую Чжоу он сломал мне три ребра. Этот счёт, похоже, не закрыть.

С тех пор, как четыре года назад Лу Це вернули в Великую Чжоу, он узнал, что хотя в тот год он и совершил покушение на государственного наставника, тот лишь получил тяжёлое ранение, поэтому государь Великой Чжоу не спешил его ловить.

Вернувшись в Великую Чжоу, государь приказал отправить его на почтовую станцию. Как только он подумал, что можно успокоиться, той же ночью его тайно доставили в Управу Цяньцзи — место, существовавшее только в рассказах его матери.

Это было мрачное, тёмное место заточения.

Лу Це вспомнил те дни, не разделённые на день и ночь. Его конечности были скованы, всё тело погружено в ледяной холодный водоём. Не видя света, не слыша никаких звуков, кроме приносимой еды, которая позволяла ему чувствовать, что он ещё жив. Остальное было лишь водой, время от времени покрывающей рот и нос, а также безнадежность и страдания изо дня в день.

Он слышал, что некоторые, не выдержав страданий, чтобы сбежать отсюда, не жалели взрывать свои меридианы, но, очевидно, люди Управы Цяньцзи поумнели. Они вбивали серебряные иглы в каждого, кого сюда доставляли, чтобы их внутренняя сила не могла сосредоточиться, а меридианы не проходили — в этом холодном водоёме был только один путь — смерть.

Каждый раз, когда он хотел закрыть глаза и погрузиться в сон, ледяная вода устремлялась вверх, обволакивая его рот и нос, не давая дышать.

Хочешь умереть — не можешь, хочешь сойти с ума — не дадут.

Такое отчаяние длилось около месяца, затем начали по одному вызывать его на допросы. Все без исключения хотели узнать, где же вторая половина карты крепости, которую оставила ему та женщина.

<http://bllate.org/book/15603/1392812>